

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2020»

Москва, 17–20 июня 2020 г.

«А ТОТ ПЕРОВСКОЙ НЕ ДАЛ ВСЛАСТЬ ПОСПАТЬ»: ПРОСОДИЯ И ГРАММАТИКА АНАФОРИЧЕСКОГО ТОТ В ЗЕРКАЛЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Подлеская В. И. (vi_podlesskaya@il-rgggu.ru)

РГГУ, Москва, Россия

DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-628-643

“A TOT PEROVSKOJ NE DAL VSLAST’ POSPAT’”: PROSODY AND GRAMMAR OF ANAPHORIC TOT THROUGH THE LENS OF CORPUS DATA

Podlesskaya V. I. (vi_podlesskaya@il-rgggu.ru)

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Based on data from the Russian National Corpus and the General Internet-Corpus of Russian, the paper addresses syntactic, semantic and prosodic features of constructions with the demonstrative TOT used as an anaphor. These constructions have gained some attention in earlier studies [Paducheva 2016], [Berger, Weiss 1987], [Kibrik 2011], [Podlesskaya 2001], but their analysis (a) covered primarily their prototypical uses; and (b) was based on written data. The data from informal, esp. from spoken discourse show however that the actual use of these constructions may deviate considerably from the known prototype. The paper aims at bridging this gap. I claim (i) that the function of TOT is to temporarily promote a referent from a less privileged discourse status to a more privileged one; and (ii) that TOT can be analyzed on a par with switch reference devices in the languages where the latter are grammatically marked (e. g. on verb forms). The

following parameters of TOT-constructions are discussed: syntactic and semantic roles of TOT and of its antecedent in their respective clauses, linear and structural distances between TOT and its antecedent, animacy of the maintained referent. Special attention is paid to the information structure of the TOT construction: I give structural and prosodic evidence that TOT never has a rhematic status. The revealed actual distribution of TOT (a) adds to our understanding of cross-linguistic variation of anaphoric functions of demonstratives; and, hopefully, (b) may contribute to further developing computational approaches to coreference and anaphora resolution for Russian, e. g. by improving datasets necessary for this task.

Key words: anaphora, switch reference, Russian, prosody

1. Постановка задачи

Предметом данной работы являются конструкции, в которых средством анафорической отсылки выступает указательное местоимение TOT в субстантивном употреблении¹. Канонический пример такой конструкции представлен в (1), где antecedентом местоимения TOT является именная группа (*своему осмотрительному другу*) *Фиме Королёву*:

- (1) *Тем временем Коля рассказывает обо всём своему осмотрительному другу Фиме Королёву. И тот убеждает Колю затаиться.*

Указательным местоимениям в функции анафоров в русском и ряде других языков посвящена значительная литература, см. [Кибрик 1987], [Крейдлин, Чехов 1988], [Падучева 1985], [2016], [Подлеская 2001], [Селезнев 1987], [Berger, Weiss 1987], [Kibrik 2011], [Patel-Grosz, Grosz 2017] inter alia. Однако в описании этого феномена сохраняется ряд белых пятен.

Во-первых, чаще всего имеющиеся работы опираются в анализе на канонические случаи таких конструкций, хотя большинство исследователей признает, что отклонения от прототипа, не нарушающие грамматичности, встречаются (по оценке [Kibrik 2011:329] канонические случаи составляют около 90% всех употреблений анафорического TOT). Проиллюстрирую один класс отклонений от канона. Прототипически, antecedентом местоимения TOT является лицо. Однако в ряде случаев приемлемой оказывается и отсылка к предметному референту (*гора* в (2), *камфара* в (3)):

- (2) *Ей показали гору / на которую она собиралась идти / та была вся в облаках.*
(3) *Если бы он мимоходом глянул на обложку нашего журнала, то та показалась бы ему скоплением расцветочных точек.*

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ, грант 17-18-01184. Я очень признательна О. В. Федоровой и Я. Г. Тестельцу, которые дали себе труд прочитать первоначальную версию статьи, высказали ценнейшие соображения и дополнили мой библиографический список очень важными работами.

Во-вторых, имеющиеся работы рассматривают почти исключительно структурные свойства конструкций ТОТ, оставляя в стороне их просодические свойства. Между тем, понимание того, как устроена коммуникативно-просодическая структура таких конструкций, позволило бы пролить свет на ряд дистрибутивных и функциональных ограничений на их использование.

Учитывая сказанное, я ставлю перед собой две взаимосвязанные задачи, которые попытаюсь решить на корпусном материале:

- А. Систематизировать прототипические структурные ограничения на употребления анафора ТОТ и установить, какие из этих ограничений могут нарушаться в реальном узусе. Этому будет посвящен **раздел 2**.
- Б. Описать коммуникативно-просодические свойства конструкций с ТОТ и выявить возможную связь этих свойств со структурными ограничениями на их употребление. Эта задача решается в **разделе 3**.

Для анализа структурных свойств использовался основной корпус НКРЯ (ruscorpora.ru) и, частично, данные ГИКРЯ (webcorpora.ru), для анализа просодии использовался мультимедийный подкорпус НКРЯ (МУРКО). Для инструментального изучения просодии из видеофайлов выдачи МУРКО извлекались аудиофайлы и подавались на вход анализатора PRAAT [Boersma, Weenink 2014]. Для вынесения суждений о приемлемости примеров я пользуюсь оценками носителей языка, в том числе, и своими собственными оценками. Примеры, полученные методом интроспекции, помечены аббревиатурой «ВИП» после номера, примеры из ГИКРЯ также имеют соответствующую помету. Все примеры без пометы взяты из НКРЯ, они приводятся в той графической форме, в которой они даны в корпусе, за исключением отдельных случаев, когда я вношу собственную просодическую разметку — они ниже специально оговариваются.

2. Прототипические структурные свойства конструкций с анафором ТОТ и возможные отклонения от прототипа

В прототипических случаях на конструкции с анафором ТОТ накладываются следующие ограничения (наиболее подробно эти ограничения исследованы в [Кибрик 1987] и уточнены в [Подлеская 2001]):

- 1) ТОТ и его антецедент расположены в соседних клаузах;
- 2) Клауза, предшествующая ТО, обозначает ситуацию с двумя участниками-лицами: первый участник является актором (наиболее активным участником) и кодируется подлежащим, второй участник кодируется прямым или косвенным дополнением, расположен (в соответствии с базовым порядком слов) правее первого и является антецедентом анафора ТОТ.
- 3) ТОТ в своей клаузе является актором и кодируется подлежащим.

Указанные ограничения не являются абсолютными и так или иначе могут нарушаться в реальном узусе. Рассмотрим их подробнее.

2.1. В прототипическом случае анафор ТОТ и его антецедент расположены в соседних клаузах, причем эти клаузы могут быть:

- (а) синтаксически подчинены одна другой таким образом, что вторая подчинена первой, (4а);
  - (б) синтаксически подчинены одна другой таким образом, что первая подчинена второй, (4б);
  - (в) сочинены с использованием союза, (4в)
  - (г) соположены асиндетически, (4г):
- (4) (а) *и пошёл он к царю / Ивану Грозному / российскому самодержцу / чтобы тот разрешил ему сочетаться законным браком с дворовой девкой / Парашей*
- (б) *Когда настойчивые средневековые власти прижали брадобрея, тот раскололся.*
- (в) *Валентин Михайлович обратился с просьбой к бармену, но тот сказал, что шашлыки у них готовят только после девяти вечера.*
- (г) *Илья Иосифович укорял Павла Алексеевича в приспособленчестве, тот пытался оправдываться*

Требование непосредственного соседства двух клауз в реальном узусе может не выполняться. Например, в диалоге ТОТ регулярно используется для переключения говорящих в чередующихся репликах. При этом реплика, предшествующая ТОТ и отделяющая его от своего антецедента, может включать протяженную последовательность клауз, как в примере ниже, где имеется референциальная цепочка *редакторша > она > та*, каждый из элементов цепочки удален от соседнего более, чем на одну клаузу

- (5) *И вот однажды Дурново приходит / а там была какая-то редакторша / он её называл / её фамилию / но я забыла / какая-то известная / вы можете тоже знать. Она была такая коммунистка / очень такая м... выдержанная / целеустремлённая и / вообще / знающая и ориентирующаяся во всём. Ну вот значит / приходит Дурново и говорит / «На улице траурные флаги / умер какой-то Сэн Катаяма / по суффиксу / должно быть / японец». «Так / а та / значит / возмутилась / / как это по суффиксу / вообще / Сэн Катаяма / понимаете ли».*

Сходным образом устроен и пример (6), но тут дополнительно в референциальную цепочку *поэтесса > своей > её > Вашей > Вы > Вы > Вашего > та* включено местоимение второго лица, обращенное к собеседнику, в составе цитаты, реализованной в форме прямой речи:

- (6) *А вот однажды к ней пришла поэтесса и прочитала большую поэму о своей любви к убитому на войне мужу. Выслушав ее / Анна Андреевна сказала: «Главный недостаток Вашей поэмы / что по существу / Вы сейчас любите другого человека / о нем Вы пишете в этой поэме / и только прикрывается фигурой Вашего убитого мужа». И та сказала: «Это правда».*

Большое расстояние между ТОТ и его антецедентом может наблюдаться и в нарративе. Так в (7) антецедентом местоимения ТА является *Ольга*, между антецедентом и анафором — шесть предложений, два из которых мультиклаузальны! Разумеется, семантически расстояние не так велико, поскольку референт, к которому отсылает ТА (*Ольга*), имплицитно присутствует в упоминаниях ее места проживания — *там и туда*.

- (7) *И потом это второе сообщение — о том, что Сонька ходила к Ольге ... Мне самому казалось странным, что этот факт поразил меня едва ли не так же, как новость про отца и Соньку. Я сам не мог понять, что со мной творится. Конечно, это действительно было странно. Что она там забыла? Зачем было туда ходить? Выяснить отношения? Просить, чтобы та уступила? Ни за что не поверю! Это совсем, совсем не похоже на Соньку.*

Таким образом, приходится признать, что минимальное линейное расстояние между клаузой с ТОТ и клаузой с его антецедентом не является самоцелью: главное требование — чтобы антецедент адекватно восстанавливался адресатом. Разумеется, чем ближе друг к другу расположены анафор и антецедент, тем легче происходит идентификация антецедента, но и при значительном расстоянии между ними лингвистический и\или экстралингвистический контекст могут помочь успешной идентификации.

2.2. В прототипическом случае в клаузе, предшествующей ТОТ, выведены два участника, ср. в (4а) — *он и царь*, в (4б) — *власти и брадобрей*, в (4в) *Валентин Михайлович и бармен*, в (4с) — *Илья Иосифович и Павел Алексеевич*. Первый из пары является актором (наиболее активным участником) и кодируется подлежащим, второй кодируется прямым или косвенным дополнением, первый из пары расположен в клаузе левее, как и положено подлежащему при нейтральном порядке слов. Местоимение ТОТ отсылает к тому участнику, который расположен правее и имеет более низкий ролевой и грамматический статус в клаузе. Главное отличие анафора ТОТ от анафора ОН состоит в том, что у последнего нет этого ограничения, поэтому в предложении (8а) антецедентом может быть только *Коля*, а в предложении (8б) — *и Петя*, и *Коля*²:

- (8) (а — ВИП) *Петя_i встретил Колю_j. Тот^{s_i/j} был не в духе и не поздоровался*
(б — ВИП) *Петя_i встретил Колю_j. Он_{i/j} был не в духе и не поздоровался*

Указанное ограничение на выбор антецедента приводит к тому, что ТОТ становится обязательным в случае референциального конфликта [Кибрик 1987], [Kibrik 2011]. Однако ТОТ вполне допустимо и вне конфликта, например, при несовпадении двух потенциальных антецедентов по роду и\или числу, как (8в);

2 По свидетельству А. П. Майорова, линейное ограничение на антецедент местоимения ТОТ существовало в русском деловом дискурсе уже в XVIII в.: «Если в контексте речь идет о двух объектах, то среди них первый антецедент в дальнейшем имеет отсылку посредством местоимения *оной*, а второй — с помощью местоимения *тотъ*» [Майоров 2004: 236].

согласно [Kibrik 2011:345], доля случаев с референциальным конфликтом составляет 28% обследованной им выборки предложений с анафорическим ТОТ:

(8) (в — ВИП) *Петя_i встретил Машу_j. Та_{*i/j} была не в духе и не поздоровалась*

Требование, чтобы ИГ — антецедент ТОТ — располагалась правее и имела более низкий ролевой и грамматический статус, чем конкурирующая ИГ, в реальном узусе может не выполняться и в своей линейной, и в своей структурной части. Во-первых, антецедент ТОТ может оказаться левее подлежащего:

(9) *Колю Гнидюка, как тот ни стремился попасть на торжество по случаю «помолвки», Шевчук не пригласил.*

(10) *Когда консула Украины по Уралу и Западной Сибири останавливают тюменские гаишники на предмет красных номеров, тот шутит, что работает в пожарной охране*

Во-вторых, антецедентом ТОТ (в примере ниже — ТА) может оказаться подлежащее-актор, ср. соседка в (11):

(11) *соседка, нагнувшись под парту, больно ущипнула её за ногу. Тогда Таня поняла, что и под локоть та толкнула её нарочно, и заплакала.*

Как видим, в (11) рассматриваемое ограничение нарушено одновременно и в линейной, и в структурной части: антецедент местоимения ТОТ (*соседка*) имеет ролевой статус актора, кодируется подлежащим и расположено левее ИГ, кодирующей конкурирующего референта (*её=Таня*). Более того, вполне приемлемыми оказываются случаи, когда антецедент местоимения ТОТ содержится в первой клаузе и является в ней актором-подлежащим, за ней (непосредственно или на некотором расстоянии) следует клауза, содержащая конкурирующую ИГ, и лишь затем — клауза, содержащая местоимение ТОТ. Так, в (12) антецедентом ТОТ является *сосед*, конкурирующей ИГ — *Лохматый*. В (13) антецедентом ТОТ является *кот*, референт конкурирующей ИГ — говорящий, но сама конкурирующая ИГ опущена, так как местоимение 1-ого лица легко восстанавливается из контекста:

(12) (ГИКРЯ) *Опять приходил этот сосед. Лохматый (это такой позывной у Домовенка) как обычно, что-то ляпнул и тот убежал, держась за задницу*

(13) (ГИКРЯ) *Кот сказал, что до смерти боится закрытых дверей. Открыл. Тот сказал, что обожает сидеть на пороге. Закрыл.*

В-третьих, даже если конкурирующая ИГ и антецедент местоимения ТОТ оказываются внутри одной клаузы, они не обязательно разведены как два разных актанта одного глагола. Допускается, например, чтобы ИГ — антецедент ТОТ была вложена в ИГ — подлежащее. Так, в (14) антецедентом ТОТ является *Бертенев*, а подлежащим — ИГ *кто из партнёров Бертеньева по преферансу*:

(14) *Не догадался ли кто из партнёров Бертеньева по преферансу, что тот ведёт не честную игру.*

Конкурирующая ИГ может и вовсе физически отсутствовать. Мы уже видели выше в примере (13), что конкурирующая ИГ может эллиптироваться. Потенциальный конкурирующий референт может быть «защит» в обобщенно-личной конструкции:

- (15) *Стоит только побрызгать немножко керосина на хвост Наполеону / как тот сдаётся в плен.*

Наконец, не только эксплицирующая референт ИГ, но и сам конкурирующий референт может вообще отсутствовать:

- (16) (ВИП) *На диване осталась лежать шляпка Марии Петровны, которую та, убегая, забыла надеть*

Таковы, очень кратко, возможные отклонения от прототипа, связанные со статусом antecedента местоимения ТОТ. Рассмотрим теперь отклонения, связанные со статусом самого местоимения.

2.3. В прототипическом случае местоимение ТОТ в своей клаузе имеет максимально высокий ролевой и грамматический статус: обычно это подлежащее и актор. Соответственно, будучи подлежащим и актором, ТОТ тяготеет к крайней левой позиции в клаузе. Однако в реальном узусе и ролевое, и грамматическое, и линейное ограничения могут нарушаться, причем одновременно, ср. косвенные дополнения с *той* в (17), с *той* в (18). В (17) нарушено еще и рассмотренное выше ограничение на antecedент, так как antecedенты местоимения ТОТ (*женщина с инфарктом* и *она*) — подлежащие в своих клаузах:

- (17) *И п... после этого она ничего не говоря / несмотря на то / что двадцать лет они дружили и вообще / ну / были как сёстры / она просто / ничего не объявляя / может перестать с той разговаривать.*
- (18) *есть у нее приятельница какая-то или кормилица что ль ее дочерей / женщина с инфарктом / вот с такими ногами / со слоновой болезнью. И вот когда она совсем слегла / Нина Григорьевна в своем состоянии ездила к той мыть посуду.*

В примере (19) ниже нарушение менее глобальное — линейно местоимение ТУ (аккузатив от ТА) занимает, как в прототипических случаях, крайнюю левую позицию, но это — в отличие от прототипа — не подлежащее и не актор, а прямое дополнение и пациенс:

- (19) (ГИКРЯ) *Я девушка, мне 16, а моей лучшей подруге уже около 20. Она ведет богемный образ жизни, и мне раньше хотелось стать похожей на нее. Но недавно она рассказала про свою знакомую. Ту лишили родительских прав за наркотики, а моя подруга стала ее выгораживать.*

Таким образом, все рассмотренные нами прототипические грамматические ограничения на употребление анафора ТОТ преодолеваются в узусе без нарушения правильности/приемлемости. Это приводит к предположению, что

сами эти ограничения должны формулироваться не исключительно в грамматических терминах, а многофакторно — с подключением критериев, связанных с прагматикой, семантикой и актуальным членением.

2.4. Наиболее полно многофакторный подход к описанию анафорических конструкций с ТОТ разработан А. С. Чеховым и Г. Е. Крейдлиным [Чехов, Крейдлин 1988]. В качестве центрального для правильности таких конструкций они выдвигают следующее требование (в изложении несколько менее формализованном, чем у авторов): антецедент местоимения ТОТ должен быть в составе «своей клаузы» ремой (или частью ремы), а само местоимение в составе «своей» клаузы — темой (или частью темы). Такое требование выглядит очень продуктивным и, как кажется, позволяет объяснить довольно много случаев, когда приемлемыми и уместными оказываются высказывания, нарушающие прототипические грамматические ограничения. Вместе с тем, подключение требования к актуальному членению конструкции без систематического подключения просодической аргументации приходится принимать с некоторой осторожностью. Во-первых, работая только с письменным текстом, мы можем лишь гипотетически реконструировать его наиболее вероятную линейно-акцентную структуру и часто не имеем достаточно оснований, чтобы решить, выполняется сформулированное выше требование или нет. Во-вторых, даже если допустить такой реконструктивный подход, имеются случаи, когда данное требование не выполняется, а текст оказывается правильным и уместным. Например, антецедент может не иметь статуса ремы — это особенно касается случаев, где антецедент местоимения ТОТ располагается не в непосредственно предшествующей клаузе, а далеко в предтексте и встроен в протяженную референциальную цепочку. Так, в примере (6), по-видимому, ни одно из упоминаний антецедента местоимения ТА в цепочке *поэтесса > своей > её > Вашей > Вы > Вашего > та* не формирует ремы — оно либо входит в состав нерасчлененного сегмента, либо входит в тему. Трудности возникают и в примерах типа (14) или (16), где вложенные генитивные группы (*Бертеньева, Марии Петровны*) вряд ли могут претендовать на статус ремы. Тематический статус самого местоимения ТО тоже не всегда оказывается «безупречен». Так, в примере (20) ниже доказать, что местоимение ТА формирует тему, весьма проблематично:

(20) (ВИП) *Ольге очень нужна была помощь Ивана. Но он не приехал, как та ни упрашивала.*

По-видимому, проще доказать более мягкое утверждение: местоимение ТОТ в «своей» клаузе не может быть ремой. Косвенным структурным доказательством этого «мягкого» ограничения является тот факт, что ТОТ не может быть помещен в позицию, характеризующуюся признаками рематичности. Во-первых, местоимение ТОТ в анафорическом употреблении, не будучи формально клитикой, обладает следующим характерным для клитик свойством — оно не сочетается с большинством фокусирующих частиц (см. подробнее [Подлеская 2001]):

(21) (ВИП) *Петя попросил Машу приехать, потому что помочь могла только она/*та.*

Во-вторых, по наблюдениям Я. Г. Тестельца (р.с.) местоимение ТОТ в анафорическом употреблении обладает еще рядом типичных для клитик свойств — оно не сочетается с отрицанием, не входит в ни сочинительную, ни в комитативную связь:

- (22) (ВИП) *Я просил Машу, но в результате не она (*не та), а Саша откликнулась Я сообщил Маше, и она (*и та) и ее мама пришли
Я сообщил Маше, и она (*и та) с Леной пришла //пришли*

В-третьих, местоимение ТОТ нетерпимо к заключительной позиции:

- (23) (ВИП) *Сначала Ольга долго и безуспешно добивалась внимания Ивана. Потом, наоборот, Иван сделал предложение, но на этот раз отказала она/*та.*

Единственным заметным исключением являются конструкции с прямой речью с постпозитивной авторской ремаркой:

- (23) (а) *Черт с тобой, бери! — сказал тот.*

Но это особая конструкция, в которой инверсия подлежащего и сказуемого в постпозитивной авторской ремарке обязательна для любого подлежащего — как выраженного местоимением, так и полной именной группой, ср.:

- (23) (б — ВИП) *Черт с тобой, бери! — сказал Иван.*

Обычно такое подлежащее реализуется атонически или со слабым нисходящим тоном. Т. Е. Янко (р.с.) предположила, что ремой в таких высказываниях является собственно прямая речь, а авторская ремарка является вынесенной вправо атонической темой со статусом близким к парентезе. Таким образом, возможный нисходящий тон на подлежащем маркирует не рему, а финальность, т.е. завершенность высказывания. Косвенным подтверждением того, что инвертированное подлежащее в таких конструкциях с прямой речью не является ремой, может служить тот факт, что оно не может присоединять фокусные частицы:

- (23) (в — ВИП) *Черт с тобой, бери! — сказал *именно тот / *именно Иван.*

Таковы структурные свидетельства в пользу «мягкого» утверждения: просодическое поведение анафорического ТОТ несовместимо с рематическим статусом. Ниже, в разделе 3 я постараюсь показать, что просодия также свидетельствует в пользу «мягкого» утверждения.

3. Коммуникативно-просодические свойства анафора ТОТ

Для изучения просодических свойств анафорического ТОТ в корпусе МУРКО были отобраны все случаи, удовлетворяющие запросу «тот (m | f) на расстоянии 1 от V», т.е. форма местоимения ТОТ мужского или женского рода, за которой следует глагольная словоформа. Форма среднего рода была изначально отсечена, чтобы уменьшить «шум» в выдаче, связанный с соотносительным,

а не анафорическим ТО. Кроме того, также для уменьшения «шума», выборка была ограничена случаями, где анафорическое ТО соседствует с глаголом непосредственно. Всего было обнаружено 56 примеров интересующей нас конструкции. Перцептивно и с помощью анализатора PRAAT я проверила, имеется ли в этих примерах акцент на местоимении, и если акцент имеется, то какой вариант движения тона реализуется. Выяснилось, что из отобранных 56 примеров в 50 случаях ТО было употреблено атонически, во всех этих случаях ТО не формирует отдельной коммуникативно-просодической составляющей. Рассмотрим пример (24а). В нем (и двух следующих «просодических» примерах) движение тона показано иконически с помощью косых черт перед акцентированным словом, а границы просодических составляющих — с помощью квадратных скобок; во избежание путаницы я удалила в «просодических» примерах косые черты, которые в собственной разметке НКРЯ используются для обозначения пауз, а также знаки словесных ударений. Как мы видим, оба вхождения анафорического местоимения — ТА и ТОТ — произносятся без акцента; напротив, их антецеденты (*Лидии* и *Василькову*), как и в большинстве прототипических случаев, являются в своих клаузах носителями главного фразового (рематического) акцента, который реализуется с падающим тоном:

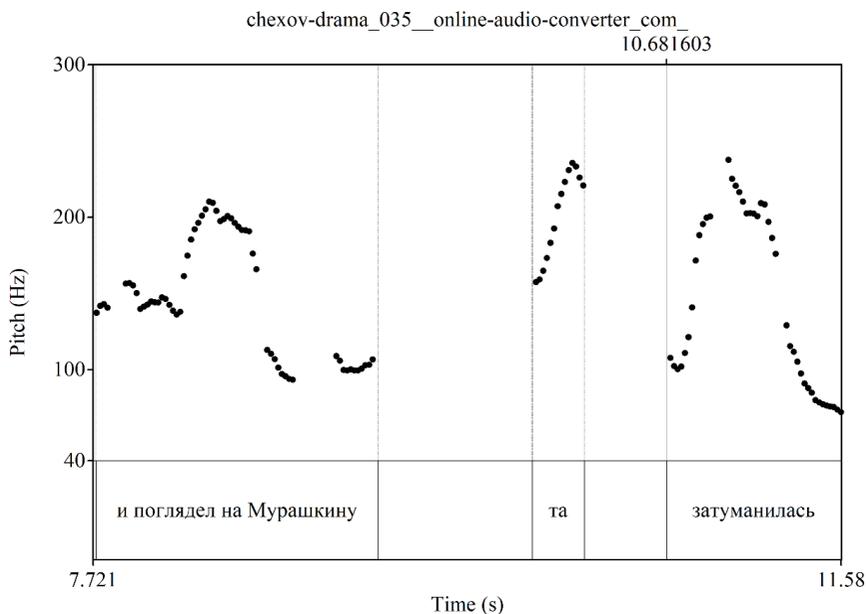
(24) (а) [Входит \горничная] [и подаёт счёт \Лидии] [та показывает на \мужа].
[Горничная подаёт счёт \Василькову] [тот /пробежав его] [кивает
головой на \жену].

В принципе, этот же сегментный материал мог бы быть реализован и таким образом, что местоимения ТА и ТОТ были бы выделены в отдельную коммуникативно-просодическую составляющую со статусом темы или контрастной темы и реализовались бы с одним из стандартных вариантов подъема тона — например, по типу ИК3 или ИК4 в номенклатуре интонационных конструкций по [Брызгунова 1982]:

(24) (б — ВИП) ...[/та] [показывает на \мужа] [/тот], [/пробежав его],
[кивает головой на \жену].

Однако такая тактика оказывается значительно более редкой, чем безакцентная: местоимение было акцентировано в шести случаях из пятидесяти шести. Все эти шесть случаев можно квалифицировать коммуникативно как случаи темы или контрастной темы. В пяти из них акцентированное местоимение реализуется с подъемом тона. Так, в (25) акцентированное местоимение ТА образует отдельную просодическую составляющую и реализуется с подъемом тона по типу ИК3, а следующая за ним рематическая составляющая *затуманилась* реализуется с падением тона по типу ИК2 — в узком временном интервале и широком частотном диапазоне. Интонаграмма клаузы с ТА и предшествующей клаузы с антецедентом местоимения (*Мурашкину*) показана на **рисунке 1**:

(25) (Павел Васильевич сделал усилие, чтобы разомкнуть напряжённые
слипающиеся веки, зевнул, не раскрывая рта,) [и поглядел на \
Мурашкину]. [/Та] [\затуманилась] [закачалась в его /глазах] [стала /
трехголовой] [и упёрлась головой в \потолок].

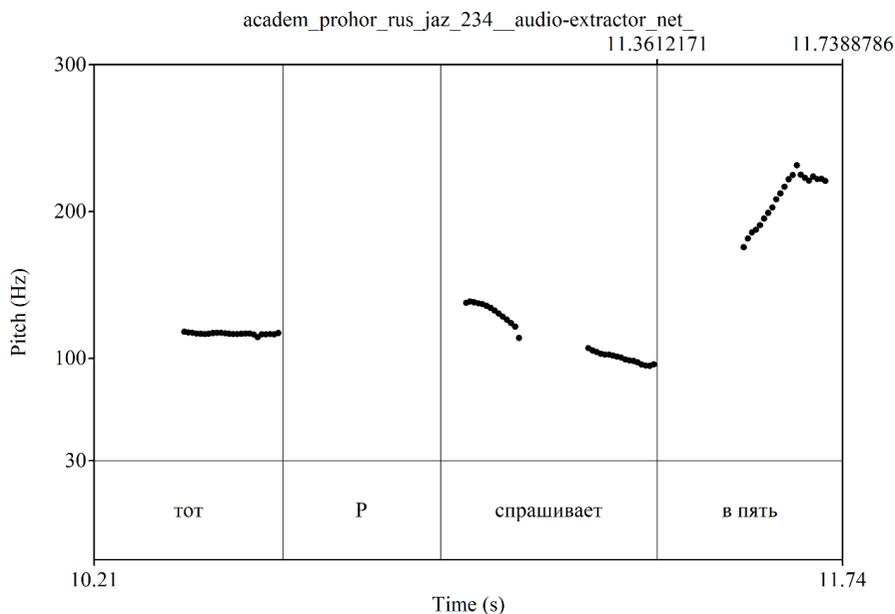

Рисунок 1. Интонаграмма к примеру (25)

В одном случае из шести акцентированное местоимение, формирующее отдельную просодическую составляющую, реализовалось с ровным тоном, см. (26) и **рисунок 2**:

(26) (Уважаемый человек спросил «в пять?». Серёжа как переводчик перевёл своему начальнику) [уважаемому \человеку]. [-Тот] [спрашивает «в / пять?】»

На ТОТ акцент сильный, ровный, в низком регистре, он может рассматриваться как тематический, адаптированный, по общему для русского языка правилу, к последующему подъему, маркирующему рему вопроса.

Рисунок 2. Интонограмма к примеру (26)

Таким образом, во всех примерах обследованной выборки ТОТ имеет статус, отличный от рематического.

4. Обсуждение и выводы

Мы обсудили структурные ограничения на употребление конструкций с анафором ТОТ и ограничения, связанные с актуальным членением. Однако, как справедливо сказано в работе [Крейдлин, Чехов 1988], для исчерпывающего описания этих конструкций необходимо описать также прагматические ограничения или, я бы сказала шире — дискурсивные ограничения.

Местоимение ТОТ, будучи в своей исходной дейктической функции дистальным, при анафорическом употреблении отвечает за противопоставление более периферийного референта более центральному, коммуникативно более близкому\значимому для говорящего на данном отрезке дискурса. По терминологии Е. В. Падучевой [1985: 125–127, 2016], антецедент анафорического ТОТ не должен быть «смысловой темой текста», или с уточнением Г. Е. Крейдлина и А. С. Чехова [1988: 50–51] — «смысловой темой релевантного фрагмента текста». Даже если центральный референт отсутствует в текущем дискурсивном «окне» (как в примерах (15), (16) выше), он незримо участвует в противопоставлении как точка отсчета. Само по себе повторное упоминание периферийного референта с помощью ТОТ уже продвигает его дискурсивный статус, но в прототипических случаях это продвижение сопровождается еще и повышением грамматического и коммуникативного статуса: переход от не-актера

и не-подлежащего к актору и подлежащему-теме. Фактически, перечисленные нами выше грамматические феномены — это совокупность средств, грамматикализирующих дискурсивную функцию «присвоение статуса смысловой темы». О том, что функция анафорического ТОТ состоит именно в однократной смене, а не в поддержании дискурсивного статуса, говорит тот факт, что для анафора ТОТ — в отличие от ОН — затруднено повторное употребление внутри референциальной цепочки; ср. (27), где в третьей клаузе повторное упоминание Маши возможно с помощью ОНА и невозможно с помощью ТА:

(27) (ВИП) *Петя_i встретил Машу_j. Та_j была не в духе. Она_j / *Та даже не поздоровалась.*

«Родимые пятна» дейктического употребления проявляются в том, что анафорическому ТОТ требуется доступный конкретный антецедент. Поэтому, в частности, в конструкциях с ТОТ затруднена катафора, ср. (28а) и (28б):

(28) (а — ВИП) *Иван уже сообщил Ольге, что она/та отстранена от конкурса*
(б — ВИП) *Что она/*?та отстранена от конкурса, Иван уже сообщил Ольге.*

По этой же причине ТОТ не употребляется с предикатными антецедентами и в качестве «ленивого» местоимения (местоимения повтора):

(29) *Ивану всё же пришлось пойти к зубному врачу, хотя он всегда их/*тех боялся* (Цитируется по [Крейдли, Чехов 1988: 41])

Исходная дистальность дейктического ТОТ проявляется не только в том, что его антецедент всегда рассматривается на фоне другого, альтернативного референта, но и в том, что его антецедент, может получать негативную оценку, с метафорическим сдвигом от более далекого к менее значимому и, далее, к менее положительному. По меткому наблюдению А. Е. Крейдлина и А. С. Чехова [Крейдли, Чехов 1988:48], ТОТ может оказаться неуместным анафором, если у говорящего имеется подчеркнуто вежливое отношение к антецеденту ТОТ:

(30) *Автор благодарит X за то, что он/*тот прочитал статью в рукописи и сделал ряд ценных замечаний.* (Цитируется по [Крейдли, Чехов 1988: 48])

Интересно, что все перечисленные симптомы контрастивности — соотнесенность антецедента с другим, альтернативным референтом, предпочтительность ТОТ при референциальном конфликте, неспособность выступать в катафорической функции и в функции местоимения повтора, проявление негативной коннотации — анафорическое ТОТ разделяет с указательными местоимениями в ряде других языков, где демонстративы, как и в русском, могут выступать в анафорической функции, в частности, в немецком, португальском, французском, иврите, см. [Patel-Grosz, Grosz 2017], [Sichel, Wiltschko 2018]. Особенно вдохновляющими выглядят работы Петера Боша и его коллег [Bosch 2013], [Hinterwimmer; Bosch 2018], [Bosch; Hinterwimmer 2016], inter alia, в которых немецкое указательное *der* в качестве анафора исследуется корпусными, экспериментальными психолингвистическими методами и методами, использующими регистрацию движений глаз. В этих работах убедительно показано, что для *der* в функции анафора

предпочтительны antecedенты, которые не являются темами (топиками), но исключения из этого правила возможны, если вмешиваются факторы контекстной (прагматической) уместности или если морфо-синтаксис конструкции позволяет избежать референциального конфликта без опоры на местоимение.

Анафорическое ТОТ можно поставить в один ряд с показателями совпадения/смены подлежащего в смежных предикациях в тех языках, где в составе глагола или в составе коннектора выражается грамматическая категория «переключения референции» (switch-reference). За такого рода средствами устойчиво закреплен кластер значений, связанных с дискурсивной «преемственностью» (когерентностью) текста при одновременном указании на частичное изменение того или иного дискурсивного параметра. Добавлю еще, что анафорическое ТОТ повышает дискурсивный ранг своего antecedента однократно и временно. Этот antecedent не превращается в протагониста текста, его высокий ранг сохраняется только в пределах текущего дискурсивного окна. Поэтому анафор ТОТ часто используется в контексте «многоходовой комбинации» (см. подробнее [Подлеская 2001]): когда требуется подключить участника к списку действующих лиц, которые поочередно временно выдвигаются на первый план, причем обычно последовательность выдвигения диктуется структурой общей ситуации с множеством участников — беседа, игра и т. д.³ Мой заключительный пример — из стихотворения Н. Коржавина «Памяти Герцена (баллада об историческом недосыпе)» — демонстрирует употребление анафора ТОТ именно в составе «многоходовой комбинации»:

(31) *...И, ошалев от их поступка дерзкого,
Он поднял страшный на весь мир трезвон.
Чем разбудил случайно Чернышевского,
Не зная сам, что этим сделал он.*

*А тот со сна, имея нервы слабые,
Стал к топору Россию призывать, —
Чем потревожил крепкий сон Желябова,
А тот Перовской не дал всласть поспать.*

*...Был царь убит, но мир не зажил заново.
Желябов пал, уснул несладким сном.
Но перед этим побудил Плеханова,
Чтоб тот пошёл совсем другим путём...*

³ По-видимому, построения типу «многоходовой комбинации» с местоимением ТОТ — явление достаточно старое. Так, А. П. Майоров указывает, со ссылкой на [Живов 1999], что такие построения были типичны для деловой письменности XVIII в.: «наиболее выразительной особенностью приказного языка является его синтаксис, а именно так называемое „нанизывание“ предикативных конструкций, при котором рема... первой предикативной конструкции повторяется как тема во второй, рема... второй предикативной конструкции повторяется как тема в третьей и т. д., создавая особый тип подчинительной связи» [Живов 1999: 234]. При таком типе словесной организации текста указательное местоимение *тотъ* в составе темы каждой последующей предикативной конструкции призвано актуализировать указание на тот объект, который выступает как рема в предыдущем предложении» [Майоров 2004: 231].

Полученные результаты могут иметь двойное значение. Во-первых — теоретическое и типологическое: они вовлекают новые данные в оборот исследований по кросс-языковой вариативности анафорических средств. Во-вторых — прикладное: они могут послужить усовершенствованию систем автоматического анализа референциальных цепочек и, в частности, использоваться для подготовки релевантных датасетов для этой задачи.

Литература

1. *Брызгунова Е. А.* (1982) Интонация // Русская грамматика, том 1, М.: Наука, 103–118.
2. *Живов В. М.* (1999) Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 212–247.
3. *Кибрик А. А.* (1987) Механизмы устранения референциального конфликта // Кибрик А. Е., Нариньяни А. С. (ред.), Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: «Наука», 128–145.
4. *Крейдлин Г. Е., Чехов А. С.* (1988) Соотношение семантики, актуального членения и прагматики в лексикографическом описании анафорических местоимений (на материале местоимений группы ТОТ) // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 178.
5. *Майоров А. П.* (2004) Указательные местоимения сей, тот, оной, этот в деловом языке XVII—XVIII вв. // Русский язык в научном освещении, №2 (8), 224–239.
6. *Падучева Е. В.* (2016) Указательные местоимения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.
7. *Падучева Е. В.* (1985) Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука. (изд. 6-е, испр. — М.: Изд-во ЛКИ. 2010).
8. *Подлеская В. И.* (2001) Переключение референции: дискурсивные функции грамматической категории // Плуноян В. А. (ред.) Исследования по теории грамматики. 1. Глагольные категории. Москва: Русские словари, 198–208.
9. *Селезнев М. Г.* (1987) Референция и номинация // Кибрик А. Е., Нариньяни А. С. (ред.), Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: «Наука», 64–78.

References

1. *Bryzgunova E. A.* (1982) Intonation [Intonacija] // *Russkaja grammatica*. V. 1. M: Nauka, 103–118.
2. *Zhivov V. M.* (1999) The autonomy of the written modus of discourse and the problem of succession in Eastern Slavic medieval writing [Avtonomnost' pis'mennogo uzusa i problema preemstvennosti v vostochnoslavjanskoj srednevekovoj pis'mennosti] // *Slavjanskoe jazykoznanie*. XII Mezhdunarodnyj sjezd slavistov: Doklady rossijskoj delegacii. M., 212–247.
3. *Kibrik A. A.* (1987) Mechanisms of solving referential conflicts [Mexanizmy ustraneniya referencial'nogo konflikta] // *Kibrik A. E., Narin'jani (eds.) Modelirovanie jazykovoj dejatel'nosti v intellektual'nyx sistemax*. M: Nauka, 128–145.
4. *Krejdlin G. E., Chexov A. S.* (1988) Semantics, information structure and pragmatics in the lexicographic description of anaphoric pronouns (TOT and similar anaphoric pronouns) [Sootnoshenie semantiki, aktual'nogo chleneniya i pragmatiki v leksikograficheskom opisani anaforicheskix mestoimenij (na materiale mestoimenij gruppy TOT)] // *Institut russkogo jazyka AN SSSR. Problemnaja gruppa po eksperimental'noj i prikladnoj lingvistike. Predvaritel'nye publikacii*. Vyp. 178.
5. *Majorov A. P.* (2004) Demonstrative pronouns *sej, tot, onoj, etot* in the business language of the XVII–XVIII centuries [Ukazatel'nye mestoimenija *sej, tot, onoj, etot* v delovom jazyke XVII–XVIII vv.] // *Russkij jazyk v nauchnom osveschenii*, №2 (8), 224–239.
6. *Paducheva E. V.* (2016) Demonstrative pronouns. Materials for the Russian corpus-based grammar project [Ukazatel'nye mestoimenija. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki] (<http://rusgram.ru>). A manuscript. M.
7. *Paducheva E. V.* (2016) Utterance and its relation to actuality [Vyskazyvanie i ego sootnesennost's dejstvitel'nostju]. M: Nauka (6th edition, revised — M.: LKI. 2010)
8. *Podlesskaya V. I.* (2001) Switch-reference: discourse functions of a grammatical category [Perekljuchenie referencii: diskursivnye funkcii grammaticheskoi kategorii] // *Plungjan V. A. (ed.) Issledovanija po teorii grammatiki*. I. Glagol'nye kategorii. M.: Russkie slovari, 198–208.
9. *Seleznev M. G.* (1987) Reference and nomination [Referencija i nominacija] // *Kibrik A. E., Narin'jani (eds.) Modelirovanie jazykovoj dejatel'nosti v intellektual'nyx sistemax*. M: Nauka, 64–78.
10. *Berger, T.; Weiss, D.* (1987) Die Gebrauchsbedingungen des Anaphorikums “tot” in substantivischer Verwendung // *Freidhof, G.; Kosta, P. (eds.), Slavistische Linguistik*, München, 9–93.
11. *Bosch, Peter.* (2013) Anaphoric reference by demonstrative pronouns in German // Presented at the Workshop on the Impact of Pronominal Form on Interpretation, Universität Tübingen, Nov. 2013.
12. *Bosch, Peter; Stefan Hinterwimmer.* (2016) Anaphoric reference by demonstrative pronouns in German // *Anke Holler, & Katja Suckow (eds.), Empirical perspectives on anaphora resolution*. Berlin/New York: De Gruyter, 193–212.
13. *Boersma, P., & Weenink, D.* (2012) Praat: Doing phonetics by computer (Version 5.3.04) [Computer software]. Retrieved from <http://www.praat.org/>.

14. *Hinterwimmer, Stefan; Peter Bosch.* (2018) Demonstrative pronouns and propositional attitudes // Pritty Patel-Grosz, Patrick Georg Grosz & Sarah Zobel (eds.), *Pronouns in embedded contexts at the syntax-semantics interface* (Studies in Linguistics and Philosophy). Springer, 105–144.
15. *Kibrik, Andrej A.* (2011) *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press.
16. *Patel-Grosz, Pritty; Grosz, Patrick G.* (2017) Revisiting Pronominal Typology // *Linguistic Inquiry*, Volume 48, Number 2, 259–297.
17. *Sichel, Ivy; Wiltschko, Martina* (2018) Demonstrative Pronouns and the Linguistic Encoding of Appraisal // Wm. G. Bennett et al. (eds.), *Proceedings of the 35th West Coast Conference on Formal Linguistics*, 365–373. Somerville, MA: Cascadia Proceedings Project. www.lingref.com, document #3409.